

Владимир Невский

Элитарные игры осени

Владимир Невский

Элитарные игры осени

«Э.РА»

2018

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Невский В. Н.

Элитарные игры осени / В. Н. Невский — «Э.РА», 2018

ISBN 978-5-99062-261-6

Автор – геоморфолог, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Но роман далёк и от Сибири, и от автобиографии, хотя многие сцены не выдуманы. И читатель поймет, какие. Произведение можно назвать детективом. В нем есть настоящие герои и те, кто им противостоит, неожиданные и необъяснимые события, которые, в конце концов, воспринимаются как закономерные. Но сюжет – лишь способ постичь какую-то неочевидную истину. Одна удивительная осень изменила не только главных участников, но и нечто гораздо большее, чем их судьбы.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-261-6

© Невский В. Н., 2018
© Э.РА, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Невский

Элитарные игры осени

© Владимир Невский, 2018 г.

Глава первая

В тот сентябрь первый предвестник осени – мелкий холодный дождь с ветром – пришёл рано. Обитатели благодатного южного края и их гости сидели по домам или, слоняясь по набережной, с недоумением выглядывали из-под зонтиков и капюшонов. Редкие смельчаки залезали в море. Но они не доплывали даже до буйков и, выйдя из воды, бросались под навес ближайшего бара. Здесь можно было согреться местным коньяком, цена которого приводила в радостное изумление всех иногородних, особенно москвичей и заблудившихся иностранцев.

Дмитрий Алексеевич зонтов не любил. Правда, дочь ему как-то подарила французский зонтик, но привычка оказалась сильнее. Он выбрался в «город» утром, когда морось только начиналась. А когда пошёл настоящий дождь, то уже не было смысла возвращаться. Дом – на самой окраине; полчаса пешком от центра. Лучше переждать на берегу, поскольку, как гласит народная мудрость, ранний дождь до обеда.

Дмитрий Алексеевич завистливо посмотрел на компанию из трёх мужчин, окруживших бутылку коньяка, вздохнул и побрёл к центральной площади. Там находилось уютное кафе, где никогда не было суеты, и где можно было попробовать вино десяти сортов. Конечно, лучше бы коньячку, но дважды залеченная язва реагировала на него так, будто готовила третье пришествие.

Обычно он садился за дальний угловой столик, который был идеальным местом для одиночек. К сожалению, именно этот столик сегодня оказался занят. Там сидел, судя по пышной, но седой шевелюре, ровесник Дмитрия. Смотрел он только в свою рюмку, не поднимая головы и, вероятно, о чём-то размышляя.

Пришлось расположиться по соседству.

Странно, но именно здесь, в этом симпатичном и несуетном, – как, например, Сочи, – приморском городе он начал ощущать стойкую непреходящую грусть. С момента его приезда сюда прошло пять месяцев. Пять месяцев беззаботного курортного сезона, жаркой, иногда изматывающей погоды, постоянного мельтешения молодых, едва прикрытых яркой одежкой дам, взгляды которых скользили по встречным прохожим и никогда не задерживались на нём... Пять месяцев назад он решительно перепрыгнул из зимы в лето, минуя весну, расставшись навсегда и с «севером», и с «востоком», помня каждый день о том, что болезни, полученные «там», не позволят ему ни наслаждаться жизнью, ни рассчитывать на такой отпущенный срок, когда можно планировать своё будущее, мечтать и надеяться.

Ни страха, ни сожалений.

Только грусть, обещающая не отпускать его до самого судного дня.

* * *

– Русские люди пьют водку, – раздался голос за спиной. Посетитель, угрюмо сидящий в углу, вдруг «ожил» и поднял взгляд на Дмитрия. Интонация его голоса казалась одновременно и угрожающей, и иронической, будто он ещё не решил, что делать: то ли лезть в драку, то ли обниматься.

– Я не русский, – не желая ввязываться в разговор, ответил Дмитрий.

Любитель водки пристально посмотрел на него, поднялся и, прихватив рюмку, вышел под навес. Там было ветрено и неуютно. «Интересно, за кого он меня принял, если предпочёл выйти на продуваемую веранду? – усмехнулся Дмитрий. – Впрочем, ясно, что не за татарина».

За окном внезапно просветлело. Вышло солнце, и лето мгновенно вернулось на улицы задремавшего города. Бывший сосед продолжал неподвижно сидеть за крохотным столиком.

Капли воды, падавшие на него из дырки в навесе, на середине своего недолгого пути вспыхивали солнечными искрами. Дмитрий допил вино и, стараясь не раздражать «русофила», тихо выбрался наружу. Но уйти незамеченным ему не удалось.

– А вы ведь соврали! – Услышал он брошенные в спину слова.

– Разумеется, – не оборачиваясь, ответил Дмитрий.

– Я тоже, – с поразительным миролюбием произнёс «русофил». – Вы, верно, от избытка здоровья перешли на сухое вино?

– Ага, – ответил Дмитрий и наконец-то повернулся к незнакомцу. – Свою цистерну водки я уже выпил. Теперь принимаю только лёгкие напитки.

– Надо же! Какое совпадение! То есть, наоборот. Я всю жизнь пил коньяк и сухие вина, а теперь только водочку. Диабет, понимаете ли. И не только он.

– Вы бы хоть закусывали! – неожиданно для себя посочувствовал Дмитрий.

– Закусываю. Но сегодня неохота. Погода, что ли? Или настроение...

– Всею своё время. Дождь – это замечательно. И снег, когда он не в июне.

– Да снег-то здесь и не каждый январь. Разве только в горах. Впрочем, и тут есть своя прелесть. Захотелось в зиму – никаких проблем. Час на электричке – и играй в снежки. Нет, при всей моей любви к Москве здесь всё-таки лучше. Света зимой больше. Я в детстве хотел жить на берегу тёплого моря, но судьба решила иначе. Кстати, меня зовут Валериан Юрьевич. Здесь на отдыхе. Жару не люблю, поэтому отправляюсь в отпуск в начале осени. Сам москвич, причём до такой степени, что, когда появилась возможность переехать в Америку, отказался от заморского соблазна. Понял, что могу находиться либо в Москве, либо на погосте.

– Дмитрий Алексеевич. Переехал сюда минувшей весной. Полгода как на пенсии. Всю жизнь провёл «на северах».

– Шофёр? Лётчик?

– Геолог. Теперь уже бывший.

«Русофил» протянул руку.

– Бывших в вашей профессии не бывает, – с подчёркнутым уважением произнёс он. – А я вот кругом бывший. Бывший психолог, преподаватель вуза, консультант... кроме того, бывший муж и бывший любовник. Все мои ипостаси в прошлом.

– Кто же вы теперь?

– Во-первых, ещё не пенсионер. Во-вторых, изредка принимающий клиентов психолог. Живу – не шикаю. Тайгу не люблю. Предпочитаю видеть зверей в клетках. Поэтому отдыхаю на южных морях. Кстати, вам часто попадались медведи?

– Раз двести. Не считал.

– Стреляли?

– Да, приходилось... когда нечего было жрать.

– То есть, вы их убили и съели?

– Да.

– Забавно... Знаете ли, мне приходилось встречаться с теми, кто убивал людей, а вот «медведеубийцы» пока не попадались.

– Ну и каково первое впечатление?

Валериан Юрьевич остановился. Глаза его заблестели.

– Есть идея! – слишком громко для сонного города провозгласил он. – Как я понимаю, денег у вас негусто, а квартиру, где вы сейчас живёте, приобрели дети?

– Дочь. Половина – её; половина – моя.

– Я предлагаю вам... стать... своего рода писателем.

– Какого рода? – оторопел Дмитрий. – Я, конечно, писал отчёты по государственной геологической съёмке. И даже, помнится, вставлял в них ненаучные слова «отнюдь», «однажды»...

– Во! То, что надо! – оборвал его Валериан Юрьевич. – Я сразу понял, что у вас есть литературный талант! Короче, напишите для меня две-три истории. У вас ведь опыт богатейший. Истории любые – смешные, грустные, мистические. О каких-то событиях, о людях, о путешествиях, о работе.

– Но зачем?

Валериан Юрьевич вздохнул и впервые за весь разговор опустил взгляд, который, как показалось Дмитрию, не «дошёл» до тротуара, а остановился где-то на уровне пальцев его правой руки.

– Видите ли, под занавес своей психологической карьеры я хочу подвести некоторые итоги. И мне интересен чужой опыт. Кроме того, я надеюсь, что ваши рассказы будут полезны моей падчерице. Она работает на телевидении и имеет шанс пробиться в элиту – стать телеведущей.

Дмитрий с интересом уставился на собеседника:

– Я готов согласиться, что психологу хоть какая-то польза от моих воспоминаний будет. Но зачем они телеведущей? Ну чисто теоретически?

– Так... там нужно постоянно держать в голове что-то интересное и оригинальное. На всякий случай.

– Сколько ей лет?

– Двадцать пять.

– А! Это уже кое-что. Не маленькая...

– Именно так, – довольно улыбнулся Валериан Юрьевич. – И денег получает больше, чем я в свои лучшие годы. Словом, платить буду из своего и её кармана.

Дмитрий задумался. Пока весь этот разговор казался ему игрой – не слишком весёлой, но и не серьёзной. То, что его предполагаемые рассказы, – их ведь ещё надо написать! – молодой московской телевизионщице – как козе баян, он уже понял. Стало быть, они нужны её отчиму. Но зачем?

– Я вижу, вы в раздумье, – нарушил молчание Валериан Юрьевич. – Поверьте, это не шутка. Чтобы вы не сомневались, я готов заплатить. И даже выдать аванс. Скажем, на неделю. Нет, дней на пять. Для начала. Ваша задача-минимум: хотя бы две-три страницы.

– Добро! – нерешительно ответил Дмитрий. – Только обойдёмся без авансов.

– Я так и знал! Сразу видно: не москвич.

Последняя, немного потрёпанная туча нехотя уползла на восток и, не желая насовсем покидать этот благодатный край, зацепилась за верхушки гор. Улицы наполнились людьми, спешившими на пляж.

Валериан Юрьевич загнул поочерёдно пять пальцев.

– Итак, через пять дней будет... вторник. Стало быть, во вторник, на этом месте, с одиннадцати до двенадцати и с двадцати до двадцати одного. О'кей?

Дмитрий кивнул головой. Ему внезапно захотелось побыть одному.

* * *

Домой он попал только к вечеру. Побродив больше часа по городу, Дмитрий сходил на пляж, искупался без особого удовольствия и пообедал в столовой. По дороге старался ни о чём не думать. Но уже в сумерках, едва переступив порог своей необустроенной квартиры, он сел за стол и закрыл глаза. Мысль о том, что надо оставить «что-то» после себя, посетила его впервые ещё лет пятнадцать назад. Неназойливая поначалу, в последние годы она превратилась в навязчивую идею с приступами хоть и лёгкой, но изнуряющей боли.

Может быть, именно эта просьба Валериана Юрьевича и есть то главное, что должно скрасить его последние годы и придать какой-то смысл финальному отрезку жизни?

Несколько минут он сидел неподвижно. Мысли путались. Во дворе кричали дети, одуревшие от первого, после долгих каникул, учебного дня. Наконец, солнце скрылось за морем. Дмитрий зажёл настольную лампу и неуверенно написал: «Дело было в...».

Да, не Толстой.

Как-никак, первый опыт.

Дело было в... хотя, какое это имеет значение? А значение имеет то, что кругом на десятки километров расстилалась заболоченная тундра с мелким кустарником. Местами попадались байджарахи – самые неэстетичные формы рельефа, с торчащими камнями в окружении грязи и льда. Время близилось к ночи. Ночь, разумеется, понятие условное; темноты в ней было столько же, сколько в декабрьский полдень в Ленинграде. Мы ждали возвращения одного из горняков, Михея, который отправился на охоту. Надо сказать, что охотился он не хуже, чем был канавы, и без добычи никогда не возвращался. Однако на этот раз он почему-то не спешил. Мы покричали хором на четыре стороны горизонта, затем даже пальнули в воздух из карабина.

Наконец, дождались. На фоне одноцветной сине-зелёной тундры нарисовалась фигура человека. Это был Михей. Но через несколько минут стало казаться, что это вроде бы не совсем он. Человек шёл, раскачиваясь из стороны в сторону, и при этом за его спиной полоскался странный чёрный плащ. Мы все выбрались из палаток и с недоумением и любопытством наблюдали за ним. Да, точно, Михей, но... Он брёл по тундре, проваливаясь в ямы с водой и нерастаившим льдом. Шёл босиком. Длинные сапоги-болотники, которые издавна походили на развешиваемый плащ, висели на его шее, связанные бечёвкой. При этом он ещё и глупо улыбался.

Я оказался первым, кто заподозрил что-то неладное в этой очевидной в своей безысходности картине. В сапогах что-то было. И, правда: Михей с прежней улыбочкой подошёл ко мне и, присев, освободился от своей ноши. Но сапоги не отпустил, а наоборот, бережно придерживал их за голенища.

В сапогах был спирт.

Как выяснилось, Михей уже собирался возвращаться в лагерь – впервые за последний год без добычи – и подумывал о том, как объяснить нам причины такого редкого казуса. Но судьба уберегла его от фиаско. Он наткнулся на бочку. Такие двухсотлитровые ёмкости попадались нередко. Почти все они были пустыми, но не всегда. Попадались авиационный бензин, попадалось техническое и даже растительное масло. А вот спирт – впервые. И чтобы донести свою радость до нас, Михей снял сапоги, залил туда спирт, повесил это добро на шею и босиком отправился в лагерь. Перед тем, как идти, принял сто грамм и залил их водой из ближайшей ямы.

Пить такой спирт, конечно, было невозможно – и не столько от запаха портянок, сколько от противного привкуса резины. Придя к такому неутешительному выводу, – выходило, что работяга зазря жертвовал своим здоровьем, – мы решили отыскать ту бочку. Михей, правда, засомневался в том, что он сможет найти её снова – тундра ведь ровная, как блин. Никаких ориентиров. Но я развеял все его сомнения:

– Михей, двустволка-то где?

Он оторопел. Я, конечно, мог его понять: какое ружьё, когда тут целая бочка! Но ружьё – не рогатка. Если не найдём, то придётся писать коллективное сочинение в районный отдел милиции о том, как во время внезапного наводнения мы самоотверженно спасали людей, секретные карты, провизию, и тут уж как бы не до оружия.

Утром мы определились с азимутом, вспомнив, где впервые увидели босого Михея, и широкой цепью пошли на север. Примерно через час поисков нашли и бочку, и ружьё. Радости работяг не было предела.

Но больше Михею ни на куропаток, ни на крупное зверьё не везло.

Снег лёг на тундру как раз первого сентября. Мы заказали вертолёт, который мог прилететь завтра, послезавтра или через неделю. И поскольку он мог появиться в любой момент, я отпустил Михея на «последний» в этом сезоне промысел.

Работяга с печалью посмотрел на меня и махнул рукой:

– Нет, начальник, что-то у меня... короче, нет желания.

Я удивился, но как показалось, нашёл правдоподобное объяснение:

– Ты же отправлялся на охоту после ужина, а в ужин мы всегда принимали «на грудь». Стало быть, у тебя развился известный синдром: «птичку жалко». Не пей сегодня.

Михей послушался, отказался от обеденной чарки и побрёл по свежему снегу на север. Вернулся через полтора часа.

– Нет, начальник, то же самое, – с прежней затаённой печалью возвестил он. – Что так, что этак... Короче, я больше не охотник. Забирай берданку.

Мы расстались с Михеем через два года. У него случился инсульт. К счастью, не смертельный. Он наполовину оправился, но говорил с трудом и плохо ходил. Мы отвезли его на «большую землю», в Пензенскую область. Провожатый, – один из наших геологов, – потом рассказывал, что единственный сын Михея принял отца без радости, но бывшая супруга, с которой мы, конечно, договаривались заранее, пообещала, что оставит его дома, будет кормить и одевать. Своё слово она сдержала. А ведь я и мои старшие коллеги помнили эту стерву. Однажды она приехала к нему в гости, – «за развлечением», – и поставила на уши весь райцентр, да так, что продавщицы из продмага, никогда не лезшие за словом в карман, от одного упоминания её имени ещё долго ёжились и вполголоса матерились.

Неужели и с ней что-то произошло?

Дмитрий откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Казалось, что писать не трудно, так как сюжет делали реальные герои, его знакомые. Трудно лишь подбирать незатасканные слова. Проведя в полной неподвижности две-три минуты, он снова склонился над рукописью и перечитал её, делая незначительные правки. Вроде бы неплохо. Осталось узнать мнение «заказчика».

Машинально нажав кнопку на лампе, Дмитрий оказался в полной темноте. Дворовый фонарь давно погас. За окном чуть слышно постанывал ветер.

* * *

Поздним утром приехала Оля, единственная дочь Дмитрия. Жила она в краевом центре, по местным понятиям, недалеко, а если по «северным», то совсем рядом – в трёх часах на поезде. Муж её всеми силами старался отлынивать от совместной поездки, и на то, видимо, были причины: что он делал в одиночестве целую ночь и два дня и к кому ходил, знал только он один. Сына мама обычно брала с собой.

В этот раз Ольга была не в духе, поскольку встала рано и не выспалась, и кроме того, пребывала в растерянности от непомерных денежных трат – на ремонт квартиры и школьную экипировку семилетнего сына. Впрочем, «раскололась» она только после обеда – без лишних сетований и претензий к невезучему мужу. Дмитрий безропотно, будто речь шла о билете в кино, взял дочку под руку и повёл в банк. К удивлению Оли, отец снял гораздо больше, чем ей требовалось.

– Не всё тебе, – объяснил он. – Мне тоже кое-что. А свой долг ты сегодня отработаешь.

– Как?

– Сейчас узнаешь.

Они зашли в фирменный магазин электроники. Дмитрий подвёл дочь к стеллажу с ноутбуками и ткнул пальцем в самый дешёвый:

- Мне надо набирать текст и просматривать слайды. Такого достаточно?
 - Достаточно... Но лучше давай купим другой, подороже. Вот этот, например.
 - И ещё принтер. И подскажи, как подключиться к интернету.
- Оля с дочерним смирением кивнула головой.

Вторую половину дня они провели на море. Вчерашняя непогода не оставила никаких следов; кругом властвовало лето, вода казалась ещё тёплой, а пляж, как и в разгар августа, был «завален» телами отдыхающих.

Лёжа под мягким предзакатным солнцем, Дмитрий размечтался о будущем. А вдруг его новый знакомый окажется человеком щедрым? И тогда... Но едва мысль доходила до этого «тогда», неожиданно наваливался сон. Дмитрий стряхивал его и возвращался к мечтам. И снова при попытке прикинуть, сколько может стоить написанный им рассказ, сонливость расталкивала все его мысли. В конце концов, и отец, и дочь заснули, соприкоснувшись головами, и проспали так до заката.

* * *

Оля уехала вечером в воскресенье, повеселевшая, нагруженная только что выловленной рыбой.

Уже в полной темноте Дмитрий вернулся домой и стал набивать написанный позавчера текст. Две строки вышли легко, но на третьей возникло какое-то неведомое ранее ощущение.

Он хотел писать новый рассказ! Именно сейчас! И непременно на бумаге!

Дмитрий отодвинул ноутбук и, расположив по диагонали стола стопку бумажных листов, вывел крупными буквами: «В посёлке насчитывалось тридцать дворов...»

В посёлке насчитывалось тридцать дворов. Много или мало? Если учесть, что на всей нашей съёмочной территории этот посёлок единственный, то вопрос кажется бессмысленным. Вы можете представить сами: четыре топографических листа подряд, с запада на восток, – это примерно шестьдесят километров на двести, – и ни одного населённого пункта, кроме этого! Два раза в неделю здесь садился пролётом Ан-2, привозил из райцентра продукты, к праздникам – сухое вино, – водка была под запретом, – и изредка какого-нибудь местного жителя. Наш лагерь располагался в полукилометре от посёлка и в двухстах метрах от «аэродрома», на берегу старицы. За старицей – великая река, прорывающаяся, ниже по течению, осевую часть хребта исполинским ущельем, почти каньоном, с бешеными порогами.

Посёлок выглядел сонным и утром, и днём, и вечером. Чем занимались местные жители, в основном, эвены, я до сих пор не представляю. Одна женщина заведовала клубом и по вечерам крутила кино, другая сидела на радиостанции, ещё пять женщин работали на маленькой ферме, где обитали три десятка мохнатых – под стать местным морозам – коров. Мужчин было мало. Население скучало. Скучали и мы, гуляющие без дела в ожидании вертолёта.

И вот, как-то в начале июня, геофизик Вася, похожий на «средней величины медведя», решил развеять многодневную скуку. Эвены обычно укладывались рано, бессонницей не страдали. Вася дождался ночи, – ночь, конечно, светлая, но всё же темнее дня, – подбил одного студента-практиканта на роль ассистента и отчалил с ним на моторной лодке впритирку к берегу. Плыли по течению, без мотора. По пути Вася разулся и вставил винные пробки меж пальцев ног. Возле посёлка он высадился на прибрежный песочек, затем, широко шагая и выворачивая ступни «по-медвежьи» внутрь, продефилировал по пляжу до уровня последней избы. Там он снова вошёл в воду и сел в лодку. Они проплыли по течению ещё с полкилометра, затем завели мотор и вернулись на базу.

Утро началось с всеобщего возбуждения, которое каким-то эфирным способом донеслось до нас. Мы побежали в посёлок. Дети металась между берегом и домами и кричали:

«Чичинаус пришёл! Чичинаус!». Чичинаус – это местная разновидность снежного человека. Я замерил расстояние между следами и размер отпечатков. Было ясно, что их оставил прямоходящий антропоид высотой около двух метров и десяти-пятнадцати сантиметров. Дамы заахали. Настоящий же «Чичинаус» прошёл, как бы случайно, вдоль своих ночных следов, делая укороченные шажки и старательно выворачивая ступни наружу.

Спустя час все разошлись. Вася был чрезвычайно горд своим розыгрышем. Повторять этот финт он, конечно, не захотел – боялся, что какой-нибудь не в меру бдительный абориген сможет «засечь» его или сопровождающий катер.

Однако через два дня нам стало не до смеха. Таким же ранним утром на нашу базу прибежал поселковый пацанёнок с выпученными глазами. «Чичинаус пришёл! Опять! Но другой!» – выпалил он с ходу. Мы переглянулись и бросились за ним. Действительно, на дальней от нас окраине посёлка была чётко видна вереница следов – примерно таких же, то есть с растопыренными пальцами, но без выворота ступни. Вася долго чесал затылок и затем в течение целого дня был непривычно задумчив и молчалив. Мы, конечно, сперва подозревали его, но после поняли: на такое актёрство он не способен. В тот же вечер к нам заглянул один из жителей – пожилой, по здешним меркам, пятидесятилетний шофёр, обслуживающий ферму.

– А я понял, кто у нас по ночам ходит, – заявил он и указал взглядом на Васю.

Я с жаром стал доказывать, что, по меньшей мере, всю минувшую ночь он никуда не отлучался. Сам Вася с полным равнодушием слушал наш спор и не встревал. Когда гость напился чаю и убрёл домой, я предположил, что кто-то из местных жителей догадался, кто есть настоящий Чичинаус, и отплатил нам той же монетой. Нашёл я и вероятных кандидатов – главу поселковой управы и одного русского пенсионера.

Вася в ответ скривил физиономию:

– Ты видел вторые следы? Они точно такие же, как у меня. Но в этой деревне нет ни одного подходящего мужика. Одни замухрышки.

Мы улетели на следующий день. Вернулись через три месяца. Как выяснилось, Чичинаус больше не появлялся, и местные жители приписали появление его следов нашим, геологическим козням. Вскоре лёг первый снег. Мы торчали на базе в ожидании специального рейса Ан-2, и однажды, направляясь по единственной проторённой колее в сторону фермы, я увидел следы больших женских ботинок. На ферме работало пять женщин, но все они будто бы не подходили по комплекции на роль снежного человека. Хотя...

Киношница! Вот кто! Среднего роста. Но ботинки, как лапти сорок третьего размера. Как же я раньше не догадался?

Вернувшись, я поделился соображениями с Васей. Тот вздохнул и покачал головой, дав понять, что пришёл к такому же выводу.

Затем проямлил:

– Уж лучше бы Чичинаус...

И снова грустно вздохнул.

Ближе к полуночи позвонила Оля. Добралась она без происшествий, но устала, и прямо сейчас падает в кровать. Отец пожелал ей хороших сновидений.

* * *

Наступил вторник. В пол-одиннадцатого Дмитрий сложил листки в картонную папку – их оказалось всего четыре – и отправился в центр города.

«И всё же лето начинает сдаваться», – подумал он, ощущая лёгкий озноб между лопаток. Горожане, видимо, тоже поняли, что каникулы кончились – впервые с середины мая на улицах появились джинсовые куртки и лёгкие джемпера.

Валериан Юрьевич сидел за тем же столом под навесом и пил кофе.

– Уже вторая, – произнёс он с многозначительной интонацией, указав на полупустую чашку. – Чтобы прийти в норму, мне надо как минимум две.

– Я, наверное, сделаю то же, – ответил Дмитрий и, прежде чем подойти к стойке, положил на край стола папку.

Усевшись друг против друга – каждый со своей маленькой белой чашечкой – они несколько минут неторопливо попивали кофе. Наконец, Валериан Юрьевич провёл по губам указательным пальцем и углубился в чтение.

В первую минуту Дмитрий чувствовал себя как ученик на уроке – и это забытое ощущение слегка позабавило его. Ещё бы: последние двадцать лет он провёл на должностях не самых низких – от начальника отряда до начальника поисково-съёмочной партии. А тут – экзамен. Но вскоре, возможно, от крепкого кофе, ему стало спокойно, и он с интересом начал всматриваться в лицо читающего Валериана Юрьевича. Тот, правда, не проявлял никаких эмоций; даже губами не шевелил.

И вдруг – засмеялся!

Дмитрий привстал, надеясь заглянуть в текст и понять, что там могло быть смешного, но Валериан Юрьевич откинулся на спинку стула и с наслаждением потянулся.

– Это ваш первый опыт? – любопытствовал он.

– В таком жанре – да.

– А в других?

– Десять отчётов. От двадцати до восьмидесяти страниц в каждом.

Валериан Юрьевич запустил руку в карман и извлёк стодолларовую банкноту.

– Вы её честно заслужили, – с довольной улыбкой сказал он, но не встретив ответного изумления, поспешил добавить: – Однако это скорее аванс. На дальнейшую работу.

– Вы хотите сказать, что рассказы понравились?

– Я воспитан на классике. Тем не менее, я их принимаю. В ваших рассказах есть смысл, который нужен мне. И всё-таки не могу сказать, что понравились. Знаете, почему? – В них мало смысла.

Дмитрий, наконец, удивился:

– Ничего не понимаю. Какого смысла – мало, и какого вам надо больше?

Валериан Юрьевич опять широко улыбнулся.

– Сами думайте. Мало – значит, мало. У вас не рассказы, а очерки. А рассказ отличается от очерка не размерами, и даже не наличием сюжета, а наличием смысла.

– Очерков без смысла тоже не бывает!

Валериан Юрьевич вскинул руки:

– Не надо, пожалуйста! Вы ведь поняли.

Дмитрий навалился на край стола и, глядя в глаза собеседнику, спросил:

– Зачем вам «это»?

Валериан Юрьевич тоже придвинулся к столу.

– Неужели вы думаете, что я так и буду выпендриваться? Мое объяснение вас не устроило. Понимаю. Когда-нибудь я обо всём расскажу. И тогда мои причуды покажутся вам естественными.

Он опёрся руками о край стола, собираясь встать, и добавил:

– Деньги ваши. А через неделю, как я надеюсь, вы принесёте что-нибудь более впечатляющее. Всего доброго!

Он ушёл. Дмитрий ещё несколько минут сидел, вертя в руках пустую чашку. Его не грела мысль о будто свалившемся с небес заработке. И даже главный вопрос: для чего его новому знакомому эти рассказы – перестал казаться интригующим, словно Дмитрий уже согласился

с тем, что творчество есть самоцель, и потому все прочие интересы должны быть отброшены на обочину.

* * *

Прошло три дня после получения неожиданного и, надо признать, приличного гонорара. Три дня не было желания писать; не хотелось даже включать компьютер ради игры в преферанс. Но поздно вечером, – опять в темноте, – Дмитрий заставил себя сесть за стол. Голова продолжала хранить молчание. Он выпил крепкий чай с большой порцией сахара и снова уткнулся взглядом в бумагу.

Смысл. Нужен какой-то «особый» смысл. Но ведь каждый пеший маршрут имел особый смысл. Практический. Без эзотерики. А также полёт, поездка...

Впрочем...

А ведь одна поездка завершилась не просто «особым», а именно «тем» смыслом! Может быть, и не одна, но эта – точно.

Никто из вас не падал вместе с машиной в кювет? – Вам повезло. Однако думаю, что иногда это бывает не страшно, особенно если такой финт обходится без последствий для здоровья и не ломает стереотипы вашей, уже порядком окостеневшей, картины мироздания.

Мы вели съёмку на юге легендарной горной страны. Как-то раз я и один техник, документатор шурфов, – имени уже не помню, – вместе с шофёром Яшей отправились к горнякам в дальний выкидной лагерь. Ехали, ехали, болтая о погоде, политике, бабах – и с размаху влетели в промоину. Что было дальше, помнится с фотографической точностью. Опрокидывались неторопливо, соображали ещё медленней. Испугаться и вовсе не успели. Наш «ГАЗ-66» постоял, подумав, на двух колёсах и с облегчением завалился на правый бок.

С минуту мы отдыхали: Яша – повиснув на руле, я – лёжа на двери; затем выбрались наружу и закурили. Техник находился в будке. Он накануне хорошо «набрался» и пережил эту аварию, как и мы, без последствий.

Солнце играло в стекляшках разбитого окна. Фары недоумённо пялились на нас, горемычных.

Яша собрался идти за подмогой, хотя на всём пути я не встретил ни единого намёка на кишлак. Он был оптимистом с собачьим нюхом и, наверное, с такой же лёгкостью отправился бы искать жильё где-нибудь в Каракумах.

Я пошёл в «противоположную» сторону. Возле машины остался техник.

Через несколько минут справа открылось ущелье, исток которого, если верить карте, располагался на отметке в две тысячи двести метров. Ущелье поразило меня своей неприветливостью. С его верховьев, казалось, стекал холод. Пройдя, ради утехи любопытства, два десятка шагов, я услышал неясный ропот, похожий на чей-то неторопливый монолог. Он перебивал шум ручья не силой звука, а непривычной ритмикой выразительных фраз. С этого момента я уже не мог повернуть назад. Я потянулся на звук, как на пенье сирен, забыв о машине, о цели поездки и, пожалуй, о себе тоже.

Ущелье изламывалось то вправо, то влево; борта становились всё круче, и вскоре я брёл по каньону с почти отвесными стенами. За двадцать минут я одолел метров триста. Путь преграждали огромные валуны во всю ширину ущелья; я переползал их на четвереньках. Так же осторожно, вжимаясь в холодный гранит, обходил двухметровые эрозионные котлы.

Внезапно меня ослепил прямой и яркий, как клинок, солнечный луч. Я оказался на дне десятиметровой воронки почти правильной формы. Стены искрились пронзительно чёрной слюдой. А сверху, каскадом в три небольших водопада, прыгал удивительно говорящий ручей.

Посередине верхней струи танцевала круглая радуга. Многозвучное эхо металось по воронке, не видя выхода.

Водопад заморозил меня. Я выбрал место, где солнечный луч скользил сразу по двум изгибам струи, и сел на обдаваемый брызгами камень. Водопад менял тональность; он то стихал, плавно переходя к новой фразе, то внезапно, на подъёме эмоций, взрывался фантастической ритмикой неведомой мне поэмы. Речь водопада постепенно обретала смысл. Мне почудилась переключка живых знакомых голосов. Я пытался вслушаться, но не мог различить слова, будто нарочно прикрытые от меня полупрозрачной вуалью.

Странная одурь овладела мной. Мне стало казаться, что я сижу у неширокой реки. На другом берегу стоят люди и говорят между собой голосами моих давних знакомых и друзей. Они стоят лицом ко мне. Но взгляды их пересекаются за мною на чём-то неведомом; и у меня нет сил обернуться.

Я не мог понять свою боязнь. Я чувствовал растерянность, как посторонний человек в чуждой ему стране, но растерянность холодную, когда не ждёшь спасения и вынужден мириться с не принятым тобой миром. Солнце висело низко над горизонтом, ослепляя меня тревожным светом, и вдруг одним прыжком нырнуло за горы. Берег с людьми стал отдаляться и вскоре растворился в фиолетовом тумане. И вот передо мной уже море, холодное и безбрежное.

Я проснулся от озноба. Солнце ушло из воронки, и с его уходом водопад заговорил монотонно и бесцветно. Я пошёл назад.

К моему удивлению, наш «ГАЗ» стоял на всех четырёх. Рядом тарахтел колёсный трактор, а Яша с сияющей физиономией что-то рассказывал пожилому казаху-трактористу. Техник опять спал. Оказалось, уже на четвёртом километре Яша унюхал какую-то богом забытую ферму, и тракторист от скуки забесплатно, точнее, за пачку чая, поставил нашу машину «на ноги».

Когда мы продолжили путь, Яша хмыкнул и сказал: «Мы с тобой большие грешники. Оказывается, рядом с нашей промоиной есть глубокий стометровый колодец с водопадом. И там обитает какой-то казахский шайтан. Неверным и грешникам сюда лучше не соваться: какая-нибудь пакость гарантирована. Правда, хорошему человеку он вреда обычно не делает, скорее, наоборот. В старину шаманы ходили к водопаду, заклинали этого шайтана, и тот предсказывал им судьбу, погоду и всё подряд, когда не лень».

Я, конечно, сразу понял, о каком «стометровом» колодце идёт речь. Признаться, я и в машине чувствовал себя будто оглушённым этим странным сновидением. Я искал и не находил ни единой зацепки, чтобы понять его тайный смысл. В какой-то момент мне показалось, что я однажды совершил нечто, чему нет прощения. Но что? Когда?

Мы добрались до лагеря в поздних сумерках. Горняки сидели вокруг костра и пили чернильного цвета чай. Рассказ о наших злоключениях был воспринят спокойно, как нечто обыденное. Только после чаепития один горняк – Чеботарь – как бы очнувшись, сказал: «Это Яман-дере, “злое ущелье”. Знаю я те места. Лет десять назад мы там канаву проходили. Однажды поехали чёрт-де куда за пойлом, а там только одеколон – “Пингвин” называется. Ну и «напингвинились» до зелёных соплей. Наутро чуем: труба. Один глаз открыть – и то невозможно. Лежим, помираем. Вдруг подваливает какой-то казах на кобыле. Оказалось, он хотел водку на телогрейку выменять... Похмелились... Спасибо. Не дал помереть».

По общему мнению, Чеботарь был человеком абсолютно положительным, несмотря на то, что в минувшем году дважды отсидел по пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Как видно, хорошему человеку шайтан помог, причём в самом главном: не дал помереть с похмелья. Яша ежегодно менял двух женщин. С ним тоже всё ясно – вероятно, из-за него мы и перевернулись. А что же мне делать с собой? Как расшифровать ту шараду, что привиделась в воронке? Осмысление прошлого? Предсказание? Предупреждение? Бессонная ночь висела надо мной

равнодушными звёздами. Разум отказывался искать логическое объяснение, а в душе я чувствовал такую же холодную растерянность, как во сне у водопада.

Сделав в спальнике пятый оборот вокруг своей оси, я решился на крайний шаг. Я вылез из мешка, отколупнул ножом Яшин тайник и извлёк оттуда флягу с водкой. Сто грамм выхлебал, как воду. Истину не нашёл, но стало немного легче.

Так кто же я?

Может быть, шаман?

В окно ударил порыв ветра. Он дул с гор, раскачивая высокие тополя.

* * *

Ко вторнику Дмитрий отредактировал и распечатал текст. Правок, как и раньше, оказалось немного. И, как и неделей раньше, в пол-одиннадцатого он вышел из дому.

На этот раз Валериан Юрьевич не спешил. Только к двенадцати он, чем-то недовольный, присел к столу.

– Что случилось? Таким я вас ещё не видел, – неожиданно обеспокоился Дмитрий.

– Да, у меня проблемы. Но мои.

– Тысячу извинений. Просто ваше состояние бросается в глаза.

– Я почти всегда такой. А тот, кого вы видели раньше – это размякший от отдыха курортник... Итак, вы... О! Успехи поразительные! – воскликнул Валериан Юрьевич, бросив взгляд на первую страницу. – Жаль, что вы не пытались заняться этим двадцать лет назад.

– Да вы ещё не читали! Смысл, нужный вам, дальше.

– То, что надо, я вижу сразу. Мне достаточно первого абзаца.

Он засунул бумажки с рассказом в карман и снова достал сто долларов.

– Вы заслужили больше, так что с меня причитается. А теперь... Увы, у меня мало времени, – произнёс Валериан Юрьевич, мелкими торопливыми глотками допивая кофе. – Как я вижу, у вас свой компьютер. Вот вам мой электронный адрес. Как-нибудь на досуге пришлите на него свои рассказы.

Он поднялся, протянул салфетку с адресом и, уходя, бросил через плечо: «Встретимся через неделю».

Дмитрий не успел даже поблагодарить его.

* * *

В ранних сумерках разразилась гроза. Она оказалась «сухой». Молнии азартно лупили по северной части небосвода, потом стали вспыхивать с оглушительным треском над головой. Прохожие прятались в магазины или, согнувшись, бежали до ближайших крыш. Но ни одной капли дождя так и не упало. Звуки грома вскоре превратились в глухое икание – и гроза смолкла на полуслове.

Пережидая непогоду под навесом, Дмитрий выпил вторую за день чашку кофе и теперь ругал себя за эту вольность. Желудок, спокойно терпевший кофе в летний зной, стал внезапно напоминать о себе. Пришлось зайти в попутную аптеку.

Когда во дворе стихли голоса самых неугомонных детей, он сел за стол. Голова казалась чистой, как в давно забытые времена студенческой молодости. Сначала Дмитрий отправил по электронной почте свои рассказы. Затем выключил лампу. И память сразу же открыла одну историю, когда, завершив двадцатикилометровый маршрут, он долго и безуспешно ждал машину. Она, конечно, сломалась – иного объяснения быть не могло.

Боже, да ведь это случилось сто лет назад!

Я сидел второй час у заросшего просёлка. Маршрут был трудный. Я пересёк шесть логов по «живым» гремучим осыпям, ободрал руки, падая в проклятом карагайнике, и напоследок продырявил сапог. Я спешил к последней точке маршрута, где меня должна ожидать машина. Но её не было видно.

Неделю назад на спуске с перевала у нашего «Уазика» сбежало колесо. Ещё месяцем раньше мы выходили «нюхом» на лагерь, продираясь по густой степной ночи, а машина висела с сухими тормозами на трёх березах возле обрыва. И вот я сидел и думал, в какую ловушку на этот раз угодил наш «Мерседес».

Солнце пересекало горизонт. Тепло ещё дышало в выгоревшей траве, но с первыми звёздами оно оторвётся от земли и улетит с горным ветром вниз, в большую долину, оставив взамен к рассвету паутинный ковёр изморози. На пороге осень. Вот и бараны «на юг» собрались – красивым клином обречённо бредут по склону. Их несоразмерно огромные тени навевают тревогу скорой зимы.

Я поймал себя на мысли, что ничуть не беспокоюсь о предстоящей ночи. Почему-то совсем исчезла усталость. Я знал, что через минуту встану и, даже не торопясь, за шесть часов дойду до лагеря. У меня остались два сухаря и банка тушёнки. Для одной ночи достаточно.

Я ещё раз глянул на «улетающих» в тёплые края овец. По направлению овечьего «клина» внезапно открылась юрта. Хорошо заметная при низком солнце, днём она, вероятно, казалась серым неприметным бугорком.

Решение пришло сразу. Я бросил рюкзак с молотком на середину дороги и воткнул рядом длинную палку с запиской. Стойбище было невдалеке, и я надеялся услышать сигнал автомобиля.

Вот и юрта. Возле неё сидела одна-единственная грустная собака, не желавшая почему-то подавать голос. Я подошёл к ней. Она отвернулась и неохотно тявкнула.

Вышла девчонка лет одиннадцати, казашка, но с широко открытыми глазами.

– Я тебя видела на дороге и уже хотела идти и позвать тебя в юрту, – сказала она, открывая передо мной полог.

Мы залезли внутрь.

– Ты одна здесь?

– Да. Но только на два дня. Ата завтра к вечеру вернётся. И отвезёт потом меня в школу...

А ты геолог?

– Геолог. Машину жду. Наверное, опять сломалась.

– А ты оставайся у меня.

Айшат – так звали девчонку – принесла мне хлеб, сыр, айран и села напротив меня. Она была неподдельно рада случайному гостю. Её взгляд просил моих слов и откликался на каждый мой вопрос, и уже по выражению её глаз я предугадывал ответ. Я стал вспоминать разные истории, что случались в нашей геологической жизни. И рассказал для начала одну, месячной давности. Она почему-то казалась мне смешной.

Однажды мои горняки едва не довели до кондрашки двух казахов с автолавки. Автолавка – это такая машина, которая развозила по кочевым стойбищам продукты первой необходимости. Ездила она, кажется, всего три раза в сезон. Крепкие напитки не входили в набор предметов первой необходимости, но продавцы автолавок всегда нелегально брали в рейс несколько ящиков водки, покупая её, скорее всего, в самых обычных магазинах. Горняки об этом знали. Они сидели «по уши» в шурфах вдоль такого же глухого просёлка, петляющего по безлюдной степи, – а тут, на свою беду, эта самая автолавка. И поскольку горнякам всегда хотелось выпить, они разом выскочили «из-под земли» и кто с кайлом, кто с лопатой бросились наперерез машине. Излишне уточнять, что кайло в руках профессионала – надёжнейшее орудие убийства. Автолавка всё-таки смогла удрать, по целине, не разбирая дороги. Горняки её не догнали. Но её догнала медвежья болезнь. У машины отвалился глушитель.

Рассказав эту историю и потом ещё одну, о том, как те же незадачливые горняки переправлялись через реку, я заметил неуловимое поначалу сходство наших характеров. Айшат умела досказать начатую мною фразу, будто сама была свидетелем происшествий.

Когда мы вместе посмеялись над горняками, она, как бы отвечая мне, стала рассказывать о своих незамысловатых приключениях.

– А к нам недавно приходил медведь – настоящий, большой, но совсем не страшный, – так начала своё повествование Айшат. – Но он стоял на той стороне ручья. А я как раз ходила за водой. Я его спросила: «Что тебе надо?» Он подумал и помахал головой. Тогда я сказала: «Если тебе ничего не надо, то зачем пришёл»? Он снова махнул головой, словно хотел сказать, что заблудился. И вдруг ата увидел нас и выстрелил в воздух. Тогда медведь ушёл, но через день вернулся на то же место. Ата сказал, что его придётся убить, а то он однажды перейдёт ручей и что-нибудь у нас украдёт. Тогда я крикнула: «У нас есть ружьё, и мы тебя убьём, если ты будешь стоять. Уходи к себе домой!» Медведь поднял голову и так смешно стал её мотать. А потом он ушёл и больше не приходил.

– Послушался тебя.

– Да. Я тоже так думаю.

– А почему ваши собаки подпустили его так близко? Испугались?

– Нет. У нас две собаки – Кайрат и Елен. Они знают, что за ручей никого пускать нельзя. Они умные. Если бы медведь зашёл на наш берег, они бы его прогнали. И если бы медведь был злой, тоже прогнали бы.

– Умные, говоришь? Тогда понятно, почему твой пёс подпустил меня к самому порогу.

– Да. На злых людей они всегда лают. А ты добрый, хотя немного похож на медведя. Он умеет хорошо слышать, но любит, когда кругом тихо.

– Похож? – с недоумением спросил я. – Медведь – молчаливый зверь. А я же ещё рта не закрывал.

– Это потому, что ты считаешь меня маленькой и хочешь меня развеселить, – серьёзно ответила Айшат. – Но ты тоже хорошо умеешь слышать. Потому такой осторожный, почти как медведь. Ты смеёшься про себя. И твои глаза будто не верят.

Такого поворота я не ожидал. Бог с ним, с медведем, но своё недоверие ко всем, кого я плохо знал, я, как мог, скрывал. Впервые в жизни я почувствовал опасение, что чужой взгляд может проникнуть в меня глубже моего собственного.

– Нет, Айшат. Есть люди, которым я верю. Правда, их мало. И тебе верю, как и, наверное, всем детям, потому что когда вы врётё, это сразу видно. Но ты в чём-то права. Есть у меня такое природное недоверие, которое несколько раз уберегало меня от фатальных ошибок.

– Каких? – Айшат выдвинула фитиль керосинки, будто хотела лучше рассмотреть меня.

– Фатальных, сильно влияющих на судьбу.

– Тогда я не понимаю. Ты сказал: уберегало. А на самом деле – нет.

Я замолчал, пытаясь вспомнить некоторые свои поступки и взглянуть на них вновь с точки зрения «другого» человека – вроде бы меня, но... не совсем.

– Ты не обижайся. Я немного не так сказала, – поспешила извиниться Айшат. – Знаешь, для чего медведю хороший слух? – Чтобы издали услышать человека и убежать. И тогда ему не будет страшно.

Я задумался снова. И правда, я всегда угадывал события, которые впоследствии представляли воочию, и угадывал иногда с точностью до мимолётных ситуаций.

Кажется, я не уходил в сторону и не убегал, даже если ожидал для себя драматической развязки. Но в защите я видел начало поражения и никогда не пытался хоть как-то оградить себя. Защита казалась мне недостойной. Минутным проблеском открылось, что я наделял сознание людей своим видением мира и потому не мог и не хотел понять, что самолюбивое воображение всегда одиноко. Одиноко настолько, что, когда оно начинало болеть, всё живое и

радостное убегало прочь. И тогда я уставал от жизни. Потом, конечно, усталость исчезала, но не без следа, и каждый пройденный день только множил моё недоверие к этому миру.

Милый ребёнок, зачем я забрёл к тебе? Как хорошо жить, когда не видишь себя со стороны да ещё и таким проницательным взглядом.

Айшат поняла моё молчание по-своему и была, в общем-то, права. Я даже в мыслях не мог идти. Усталость навалилась внезапно, словно долго копилась и в один миг вылезла наружу.

Она постелила мне две шкуры, положила рядом одеяло и закрутила керосинку. Затем тихо легла у входа лицом ко мне. Я долго плыл между сном и явью. В голову слетелось столько несвязных мыслей, что я не мог ухватиться ни за одну из них.

– Не знаю, правдивая эта история или нет, но твой «интеллигентный» медведь, боюсь, сбежал из цирка. В природе таких не бывает.

Я всего лишь прошептал эту фразу, однако настороженная тишина юрты устроила силу моих слов. И я услышал ответ, словно маленькая Айшат давно собиралась сказать что-то сокровенное, но боялась потревожить меня.

– Если бы ты не был такой взрослый, я бы рассказала тебе не настоящую историю про медведя, а сказку, – подняв голову, тихо произнесла она. – Я хотела придумать весёлую сказку, но получилась грустная, наверное, потому, что сочиняла её осенью. Мы долго стояли на джайле. Часто шли дожди. Иногда снег. Ата отвёз меня в школу только в октябре.

Я повернулся на бок и тоже поднял голову.

– В ту осень было холодно, – продолжила Айшат. – По юрте стучал дождь, а наш Кайрат зевал и выл. Потом я хотела забыть эту сказку, но не смогла. Когда сочиняешь, то всё, что ты придумываешь, начинаешь видеть, как в кино. И я знаю, что жизнь пойдёт по этой сказке... Я очень хотела придумать другую девочку. Но у меня это не получилось. Сочинять можно только про себя.

Не знаю, почему, но я сразу подпрыгнул. Может быть, краешком сознания уловил и тут же потерял тайный смысл её слов.

Секундой позже я догадался, что возле моего рюкзака гудит машина.

Я не помню, что говорил девчонке на прощание. Кажется, ерунду. Память оставила только чуть влажные тёплые волосы под моей рукой. Когда Айшат зажгла спичку, я поймал её понимающе покорный взгляд.

Возле машины я оглянулся. И в этот миг весь мир воплотился в одной-единственной, остановленной моим взглядом перспективе – той, где лишь по наитию угадывалась юрта.

Передо мной открылся плавный, изумительно чистый распадок. Над ним светилась, чуть подрагивая, яркая звезда.

Ожил воздух. Звуки Неба, казалось, обрели плоть, и я услышал чей-то шёпот, доносившийся сверху.

Я потерял земное притяжение. Исчезло – не остановилось, а исчезло, будто исполнившее свой долг, время.

Я остался наедине с Вселенной.

Мне и сегодня кажется, что в моём взгляде тогда, как в фокусе, соединились самые выразительные лики нашей невесёлой, но прекрасной Планеты, что время специально для меня покинуло наш мир, чтобы я ощутил его истинную бесконечность.

Из-за дверцы неслись недоумённые возгласы, а я не мог ни говорить, ни дышать. Наконец, меня захихикали в машину. УАЗик обречённо взвыл и запрыгал по ухабистой дороге.

Всю дорогу я молчал. Мужики предположили, что я нарвался на медведя. Я ответил: да, на говорящего медведя и маленькую степную принцессу.

Они, кажется, не поверили.

Который пробил час, Дмитрия уже не интересовало. Он действительно был вне всего «земного». И ночь за окном, непроницаемо чёрная, как истинно южная ночь, заботливо прикрыла своей рукой бег времени, чтобы любой неспящий человек смог отрешиться от осознания необратимости своего жизненного пути. Ночь не даёт ощущения вечности – она заставляет думать о ней.

Спать не хотелось. Дмитрий сел на диван и услышал переключку петухов. Они пели где-то на восточной окраине города, откуда, благодаря горному рельефу, не доносились даже сигналы электропоездов.

* * *

Оставшиеся до randevу с Валерианом Юрьевичем дни прошли незаметно. Сначала Дмитрий пытался написать что-нибудь ещё, но видимо, последний рассказ отнял у него много сил. Работа не шла. Однажды вечером он перечитал, изредка правя, рассказ про Айшат. И сделал поразившее его самого открытие. Рассказ писал будто бы не он! Вот здесь, например, сказано: «Каждый пройденный день только множил моё недоверие к этому миру». Он не мог так сказать! Точнее, не мог так сказать сейчас, на шестом десятке. Не мог сказать и что он наделял сознание людей своим видением мира. Получается, Дмитрий писал рассказ, вернувшись в тот, двадцатипятилетний возраст, вернувшись настолько глубоко и безоглядно, что забыл напрочь себя нынешнего! Даже стиль повествования, как показалось, отличался от стиля предыдущих рассказов.

И всё же это открытие осталось скорее курьёзом, чем поводом для философствования. В назначенный день, как и неделей раньше, он неторопливо пересёк весь город и к одиннадцати часам оказался возле кафе. Народу поубавилось. Термометр на площади показывал всего тринадцать градусов. Кофе оказался ароматным, как никогда. Захотелось взять вторую чашку, но Дмитрий решил повременить. Так он просидел до двенадцати. Приходили и уходили посетители, но «заказчик» почему-то не спешил. Просидев ещё четверть часа, Дмитрий отправился на прогулку по городу. Днём стало почти жарко; народ на полупустом берегу наслаждался угасающей щедростью солнца, а пляжные торговки ходили, понутив головы, в предвкушении долгого безделья.

Настал вечер. Дмитрий успел сходить домой и пообедать. Поиграл в преферанс с компьютером. Но за несколько минут до второго назначенного срока был снова в кафе.

Валериан Юрьевич не появлялся. Минул час. Затем ещё полчаса. Дмитрий предположил, что неприятности, которые случились у него в прошлый вторник, увы, оказались серьёзными. Не исключено, что его новый знакомый уже в Москве. Разумеется, надо будет прийти сюда и завтра утром, и вечером. Однако чутьё внезапно подсказало, что результат будет таким же. Остался единственный выход. Если Валериан Юрьевич в Москве, то надо всего-навсего послать ему рассказ по почте. И чихать на деньги! Ведь не ради них он высиживал ночи напролёт!

Поздно вечером Дмитрий отправил рассказ и попросил ответить хотя бы одной фразой, вроде «жив, здоров». Расспрашивать о том, что случилось, он нужным не счёл.

Глава вторая

В тот октябрьский вечер, когда осень стала явью – с пожелтевшими и покрасневшими листьями, холодным ветром и снегом в горах, – захотелось зимы. Видимо, такова сила привычки. В последние двадцать лет Дмитрий встречал зиму в сентябре, если не уезжал в отпуск. И до этой осени просто не представлял себе, как можно жить, не ощущая снега. А снег должен быть непременно тем, «метафизическим», который отшлифовал не только наш быт, уклад, но и нас самих, наш национальный характер, наши пристрастия, достоинства и пороки.

Наутро Дмитрий решил съездить на перевал, чтобы оттуда подняться до нижней границы снега. Уже в вагоне – холодном и неудобном – он ощутил непривычную внутреннюю опустошённость. Вероятно, она была закономерной, как у многих начинающих пенсионеров. Жаркое лето как-то замаскировало её – и вот сейчас, на пороге хоть и не сибирской, но всё же зимы это болезненное ощущение дало себе волю. Подыграл и Валериан Юрьевич, не ответивший на письмо. Каждый день – утром или вечером – Дмитрий ходил на место randevu, но того действительно след простыл. До этой минуты казалось, что исчезновение Валериана Юрьевича – всего лишь неприятность, досадная, но не трагическая. И вдруг, как после внезапного пробуждения, стала открываться истина. Без малого полмесяца он жил с ошибочным представлением; всё казалось, что его новый знакомый по какой-то причине уехал в Москву, а там новые дела, заботы – возможно, падчерица вышла замуж, или развелась, или родила. Но стук вагонных колёс вернул Дмитрию трезвый взгляд на это происшествие. Не мог Валериан Юрьевич уехать, не сказав «до свидания». На последней встрече его обеспокоенность казалась очевидной – и несомненно, именно она стала прологом его исчезновения.

Электричка затормозила на симпатичной, будто сошедшей с лубка, станции. Дмитрий огляделся по сторонам. Нет, это всё не то – не та природа, не те ощущения. И нет вдохновения. Здесь горы будто чужие. Как текст на знакомом, но нерусском языке.

Первые островки снега он увидел, поднявшись метров на двести от уровня станции. Пройдя ещё немного, Дмитрий обнаружил, что выше и идти-то некуда. Более высокие горы с настоящим белым снегом отделены глубокой долиной. За день одолеть такое расстояние – туда и обратно – невозможно. Он сел и развёл костерок. Чай согрел душу, хотя даже костёр показался «чужим» – не тот запах дыма, не та, привычная, игра огня. Из-за туч вышло солнце. Выпавший накануне снег таял стремительно. Дмитрий перебрался на южный склон и лёг, закрыв глаза. Когда надоело лежать, он встал и кривым путём, чтобы не прийти слишком рано, вернулся на станцию.

* * *

Вечерняя электричка была заполнена на две трети. Народ вёз из «провинции» в город сезонные фрукты. Груши пахли так, что от одного их запаха клонило в сон. Некоторые пассажиры и вправду спали, склонив головы на корзины с дарами садов. Электропоезд осторожно, трезво оценивая свой далеко не юношеский возраст, спускался с перевала. На вокзал прибыли в поздних сумерках.

Пропустив вперёд вечно спешащих горожан, Дмитрий выбрался к стоянке городского транспорта. Однако картина плотно набившихся в автобус людей показалась ему, привыкшему к вселенским просторам, такой безрадостной, что он несколько секунд потоптался на месте и затем двинулся в сторону противоположную – в любимое кафе. Но успел сделать лишь один шаг. Оказалось, что слева от него стояла молодая, лет тридцати, женщина, которая, по-види-

мому, тоже раздумывала: ехать или не ехать. Её взгляд упёрся в глаза Дмитрию, и он невольно, как попавший под гипноз, остановился.

– Можно вас попросить о небольшом одолжении? – решительно начала она. – Помогите мне поймать такси или частника – и я готова заплатить, чтобы вы тоже доехали до дома.

– Я живу на окраине.

– Ничего страшного. Город-то маленький.

– Хорошо. Я не бедный, поэтому разделим это бремя пополам.

Они обогнули автобус и пересекли площадь. Частники, заметно поредевшие за последний месяц, скучали возле своих машин. Электричка – не прибыльный поезд; и если хотя бы две-три семейные компании, прибывшие на ней, возвращались домой «с ветерком», это считалось удачей.

Конечно, просьба незнакомки показалась странной. Если она «ловит» мужчин, то её выбор, надо признать, далеко не лучший; к тому же «ловец» с почти правильными, тонкими чертами лица и серыми глазами выглядит неубедительно. Дмитрий, вероятно, ещё долго ломал бы голову, ища объяснение её поведению, но в это время незнакомка бросила цепкий взгляд налево, в сторону стоящих особняком легковых машин, затем направо и назад, в сторону вокзала. Да, теперь всё ясно. Она кого-то опасалась. А то, что она не из бедных, было видно сразу. В своём стильном брючном костюме и с тонким ароматом каких-то экзотических духов она казалась чужеродным явлением на фоне обычных жителей города.

Дмитрий выбрал самую новую на вид машину. На вопрос, куда, лаконично ответил: «Не обидим».

Женщина назвала адрес – оказалось, этот дом совсем недалеко, можно было б и пешком дойти, – и водитель рванул с места, рисуясь своим профессионализмом. Ехали не больше двух минут. За это время попутчица трижды всматривалась в зеркало заднего обзора. Неожиданно для себя Дмитрий легонько сжал её запястье. Женщина не вздрогнула и не попыталась убрать руку. Лишь несколько мгновений спустя она повернула голову, но лишь чуть-чуть, так и не взглянув в его глаза.

Машина остановилась на слабо освещённой улице. Дмитрий оглянулся. Сзади, метрах в двадцати, припарковалась небольшая иномарка с невидимым номером и неразличимым цветом. Решение пришло автоматически. Шофёр ещё не успел отреагировать на медлительность пассажиров, а Дмитрий протянул ему триста рублей и приказал:

– Это аванс. Мы вернёмся сюда чуть попозже, а пока заедем на набережную.

Машина снова сорвалась с места. Подъехав к кофейне, они вышли, и Дмитрий попросил шофёра подождать их не более двадцати минут – как раз, чтобы выпить по чашечке. Иномарки, которая, возможно, преследовала их, он не заметил.

Женщина назвала своё имя: Ирина. Она приехала сюда три дня назад. Приглядевшись, Дмитрий понял, что немного ошибся с её возрастом. Сейчас она выглядела лет на двадцать пять.

– За вами следят? – прямо спросил он. – Кто?

– Боюсь, что да. Я почувствовала неладное сразу, позавчера, – спокойно, но не очень твёрдым голосом ответила Ирина. – А вот кто они и что им нужно, я не знаю.

– Но от вашего дома до набережной нас никто не преследовал. Впрочем, если им известно, где вы живёте, то незачем «светиться». Они будут ждать вас там.

Женщина кивнула головой.

– Однако мне трудно поверить в то, что вы в полном неведении, – возобновил разговор Дмитрий, видя, что она безмолвно склонилась над чашкой кофе.

– Нет, правда, – с внезапно проснувшейся обидчивостью ответила Ирина. – Кто за мной ходит, я не знаю. Он неуловим.

– Он невидим, неуловим, но вы уверены, что он есть? Так?

– Так, – опять согласно кивнула она.

– Вы с электрички?

– Нет. Я... просто попыталась увидеть того, кто за мной ходит. А вокзал, как я думала, самое подходящее место для этого. Я постояла возле кассы, погуляла по перрону. Но у меня ничего не вышло.

– Знаете, если вы уверены, что слежка есть, то без ответа на вопрос «зачем?» мы будем беспомощны. Думайте, – достаточно жёстко сказал Дмитрий.

– Мы? Вы сказали «мы»? – чуть заметно улыбнулась Ирина. – Вы, не зная, кто я, предлагаете мне помощь?

– Неужели вы допускаете, что после вашей просьбы я оставлю вас одну?

– Спасибо. Я сразу, ещё до того как обратиться к вам, поняла, что вы – геолог, или бывший геолог, но зато настоящий, потому что на вашей куртке сохранился ромбик со старой геологической эмблемой. Сейчас её почему-то стыдятся.

– Не почему-то, а потому, что люди вашего поколения считают эту профессию отстойной, не престижной. А всё, что ей сопутствует: романтика, горы, туманы, медведи – не имеет денежного выражения.

Ирина грустно рассмеялась:

– Имеет. Вы слишком категоричны и, видимо, не слишком хорошо знаете наше поколение. Вы ведь на «большой земле» недавно?

– Полгода, – медленно ответил Дмитрий, глядя в её лицо, и ощущение близкого открытия как ожидание того момента, когда прекрасная незнакомка вдруг сбросит свои одежды, отозвалось жаром в его голове.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Вы москвичка? – ещё не веря в гениальность своей догадки, спросил Дмитрий.

– Да.

– Работаете на телевидении?

– Да.

– И у вас есть отчим?

Ирина положила свою ладонь на его руку – точь-в-точь, как он это сделал в машине, – и легонько сжала.

– «Водопад заворочил меня. Я выбрал место, где солнечный луч скользил сразу по двум изгибам струи, и сел на обдаваемый брызгами камень».

Дмитрий попытался что-то сказать или хотя бы улыбнуться, но не смог сделать ни того, ни другого. Он молча сидел, чувствуя умиротворяющее и, в то же время, волнующее тепло её руки.

Они бы так просидели до закрытия кафе. Но появился шофёр с немым вопросом на лице.

– Пожалуйста, потерпите ещё немного, – сказала ему Ирина. – Мы заплатим за простой. Он понимающе склонил голову и исчез.

* * *

Дмитрий почему-то сразу поверил, что сегодняшняя невероятная случайность – не что иное, как неизбежное и безальтернативное следствие той истории, которая началась первого сентября в этом кафе на набережной.

– А куда же делся ваш отчим? – спросил он, когда снова обрёл способность мыслить и говорить.

– Умер.

Нельзя сказать, что это известие повергло Дмитрия в шок. Он уже понял: внезапное исчезновение Валериана Юрьевича могло быть связано либо с его смертью, либо, в лучшем случае, с тяжёлой травмой.

– Или не умер, – вдруг сказала Ирина, выдержав долгую паузу.

Дмитрий судорожно вздохнул.

– То есть, убит? – шёпотом осведомился он. – Где?

– Здесь, – опустив голову, ответила Ирина. – Но похоронили, конечно, в Москве.

– А причина смерти?

– Удар электротоком.

– Но... удар может быть смертельным, только если слабое сердце.

– У него было слабое сердце. И диабет. И врачей, видимо, этот диагноз устроил.

– А вас?

Ирина подняла голову.

– Вот поэтому я здесь.

Дмитрий почувствовал лёгкую дрожь.

– Я предлагаю такой вариант, – сказал он. – Мы едем ко мне. Квартира однокомнатная, но не маленькая. Там подумаем, что делать дальше. Если вашего отчима действительно убили, а вы не знаете, за что, то возвращаться одной вам нельзя.

Ирина согласилась.

Проведя в кафе немногим более получаса, они снова сели в машину. Улицы города уже были пустынные.

«Хвоста» никто не заметил.

* * *

Зайдя в комнату, Ирина выключила мобильник и села на краешек дивана.

– Вы бы легли, – предложил Дмитрий. – А утром...

– Нет, – тихо ответила она. – Утром я соображаю плохо. Я – сова.

– Тогда давайте соображать сейчас.

– Давайте. Только обращайтесь ко мне на «ты». Это не трудно?

– Это не трудно, тем более что «ты» и «вы» отличаются не только оттенком уважения, но и степенью доверительности. То, что я готов сказать «тебе», никогда не скажу «вам». Вообще-то с Иринами у меня всегда были хорошие отношения. Я даже думаю, что Россия сейчас держится не на Марьях, а как раз на Ириных.

– Спасибо. Знаете, Дмитрий... отчим не стал мне вторым отцом, потому что... он не такой интересный и заботливый, каким был мой отец. Он бескорыстный, умный, даже хитрый, не всегда принципиальный. Как мне представлялось, он чувствовал себя недооценённым и незаслуженно обойдённым. Но врагов у него не было.

– Тогда из-за чего его убили? Из-за ума? Может быть, правы те врачи, которые делали заключение?

– Да они-то как раз правы. Но и у меня есть один безошибочный инструмент – моя интуиция, – отчётливо произнесла Ирина. – И ещё: он никогда не чинил ни вилки, ни розетки. Он был бесконечно далёк от всего электрического.

– А где он жил здесь?

– Там же, где и я. Вы этот дом видели. Квартира принадлежит первой жене моего отчима. Сейчас она в Америке. Поскольку квартира в центре, продавать её не спешит, и даже обещает иногда приезжать сюда на отдых. Но пока предпочитает Флориду.

– Ясно, – усталым голосом произнёс Дмитрий. – За Валериана Юрьевича мы уже зацепиться не сможем. Придётся потрошить тебя. Рассказывай, что ты натворила. Если у тебя безошибочная интуиция, то она должна хоть что-то подсказать.

Ирина встала, зажгла настольную лампу и погасила верхний свет.

– Я действительно ничего не знаю, – присев на прежнее место, сказала она. – У меня нет недвижимости кроме одной достаточно скромной квартиры. У меня нет бизнеса, акций, больших депозитов. Я не владею никакой интересной информацией.

– А в чём заключается твоя работа?

– Я в штате одного центрального телеканала. Участвовала в двух авторских передачах, но не как автор, а как ассистент ведущего. А недавно мне предложили подумать о постоянной авторской передаче. Я должна быть и автором, с тремя соавторами, и ведущей. О политике в ней совсем чуть-чуть, о коррупции – ни слова. Все формальные процедуры прошла. Передача должна выйти через две недели.

– Так, минутку! Как я понял, у тебя были конкуренты.

– Да, были, однако между ними и моим отчимом нет никакой связи.

– Послушай, но какая-то рациональная причина должна быть! А если нет, то и смерть Валериана Юрьевича – не убийство, и слежка за тобой – не слежка, а плод болезненного воображения тепличной барышни.

Она не ответила. Тогда Дмитрий тоже сел на диван – в дальний от неё угол; и внезапно догадался, с какого конца надо распутывать этот узел.

– Ирина, а зачем тебе мои рассказы? Я, честно говоря, думал, что у Валериана Юрьевича свой интерес к ним, а ты – только прикрыtie. Но ты их читала; более того, запомнила и процитировала длинную фразу. Значит, они адресованы тебе. Зачем?

Ирина забралась с ногами на диван.

– Когда зашёл разговор о моей авторской программе, я задумалась о том, как должна выглядеть на экране. Точнее, кем должна быть. Я долго лепила свой будущий образ... Вот, знаете, есть люди, напичканные анекдотами, которые всегда могут что-то «извлечь» и рассказать, но не просто так, а «в струю», под конкретную тему. И мне нужно это. Только не анекдоты, а такой опыт, которым не владеют мои зрители. Я, например, уже представляю, как смогу использовать водопад и сновидение. Но этот эпизод будет не ответом на какие-то ассоциации, а, так сказать, первичным, на котором будет строиться отдельный сюжет... Я непонятно говорю?

– Наоборот. Я всё понял. Два первых рассказика слишком просты для тебя. Они скорее для детей. А вот четвёртый сложный – тем более что после его написания у меня появился своеобразный комментарий к нему. Из области психологии.

– Четвёртый? Я знаю только три.

Дмитрий передал ей тощую картонную папку. Ирина прочла текст быстро, но, завершив, о чём-то надолго задумалась.

– Сильно, – внезапно призналась она. – Но чтобы использовать этот сюжет, надо стать старше. Я пока к нему не готова.

– Мне «тогда» было столько же лет, сколько сейчас тебе.

– Вы уже в «том» возрасте были взрослее меня.

– Да я бы так не сказал... возможно, опытнее, в житейском смысле, но не взрослее. А хочешь услышать комментарий? Он как раз о взрослости.

– Я догадываюсь. Автор этой истории не очень-то похож на вас. Вы сочинили рассказ «тогда», а «сейчас» просто вспомнили его и дословно воспроизвели на бумаге.

Дмитрий сделал вид, что не удивился. Обычно у него это получалось убедительно.

* * *

Дворовый покой взломал какой-то автомобиль, шумно подкативший прямо к подъезду. Хлопнула дверца. Ирина по-кошачьи распрямилась и с немым вопросом посмотрела на Дмитрия. Тот не ответил. Снизу послышался женский смех.

– После вашего рассказа у меня появилась одна гипотеза, – неожиданно призналась она и повернулась всем телом в его сторону. – Но эта гипотеза ничего не объясняет.

Дальше случилось неожиданное. Ирина проползла по дивану и, оказавшись рядом с ним, положила руку на его плечо. По спине Дмитрия – сверху вниз, от её ладони, – пробежал электрический импульс. Таких тонких, деликатно возбуждающих и, в то же время, создающих элегическое настроение духов он не встречал нигде.

– Вы чем-то похожи на моего отца... – мечтательно произнесла она. – Я расскажу маленькую сказку. Это случилось, когда мне исполнилось десять лет. Мы с отцом отдыхали в Испании и уже незадолго до возвращения на три дня заехали в Португалию. В одном небольшом городке, неподалёку от Лиссабона, зашли в уличное кафе. И почти сразу к нам под села толстая женщина средних лет и что-то сказала моему отцу. А он немного знал испанский. Отец какое-то время размышлял, а потом сказал мне, что она хочет посмотреть мои руки. Женщина якобы намекнула на то, что девочка не совсем обычная. Я, конечно, повиновалась. Она долго рассматривала мои ладошки, а потом что-то сказала отцу, но очень коротко. И сразу ушла. Я жутко хотела узнать, что она у меня высмотрела. Отец, кажется, был не слишком рад. И только вечером он признался: это профессиональная хиромантка, и она прочла по моей руке, что мне суждено «кем-то стать, чтобы овладеть людьми». Так перевёл её слова отец. Возможно, он не совсем правильно понял её. Я недоумевала, почему он тогда был недоволен, даже встревожен. Потом отца не стало, и я так и не смогла узнать, что он скрывал. Много лет спустя я, из любопытства, освоила хиромантию и нашла разрывы линий жизни на обеих ладонях, в возрасте тридцати пяти – сорока лет. На правой разрыв очевидный и большой, на левой – небольшой, но всё же заметный. Узнала и многое другое. А вот что касалось «кем-то стать», то с этим не заладилось. Ни в одном учебнике по хиромантии я не нашла прямых толкований – только косвенные, и все разные. Но недавно я встретила с практикующим хиромантом, и он признал по моим описаниям эту португальскую бабку. Её зовут Мария, она действительно португалка. Затем он посмотрел на мои руки, сказал, что после тридцати пяти у меня будут проблемы со здоровьем – правду, конечно, сказать поостерегся, – а вот про мою «миссию» выразился так: знак до сих пор однозначно не расшифрованный, потому что редкий, но если баба Маша выдала такой вердикт, то я могу ей верить. Вот теперь ты знаешь... простите, теперь вы знаете обо мне почти всё.

– Послушай, Ирина, – стараясь отогнать мысль о разрывах линий жизни, поспешно сказал Дмитрий, – рисунки на ладонях – это, скорее, отражение способности, а не предопределённости. У тебя есть самоощущение... ну скажем, какой-то особой роли, избранности?

– Есть. Оно немного странное. Его трудно объяснить.

Последние слова Ирина произнесла, слегка позёвывая. Через минуту она опустила голову на его плечо и моментально уснула. «Вот видишь, отставной геолог: главное приключение жизни только начинается, – сказал он себе, – и не в тайге, не в горах, а в каменных джунглях обычного российского города».

Дмитрий высидал ещё с полчаса – сон, конечно, не шёл, – затем бережно уложил Ирину на диван и, подставив под ноги стул, устроился в кресле.

* * *

Он заснул под утро. Сначала Дмитрий вслушивался в дыхание этой молодой удивительной женщины; затем, по мере ухода в сон, голова стала наполняться скромными, а потом всё более и более смелыми желаниями. То у него возникало сожаление, что Ирина в брюках, а не в юбке, то, когда явь незаметно уступала место сну, появлялось искушение сесть рядом с ней. Но едва в комнату проник рассвет, Дмитрий заставил себя подняться. Захотелось кофе. Он насыпал зёрна в кофемолку, укрылся с нею в ванной и вдобавок ещё обмотал её сложенным вчетверо полотенцем. Теме не менее, приглушённое жужжание кофемолки разбудило Ирину. Смешно моргая ресницами, она зашла в кухню и брякнулась на табурет.

– Между прочим, я тоже кое-что понимаю в хиромантии, – завёл разговор Дмитрий. – У нашей северной зимы есть один большой минус, или, наоборот, плюс: ни х... ой, прости, чуть не сорвалось с языка. Словом, не хочется ничего делать, поэтому остаётся только читать. И вот однажды я нашёл у друзей учебник по хиромантии.

– Чудненько! – ответила Ирина. – Сначала я перешла на «ты», теперь вы едва не стали материться в присутствии дамы. Короче, мы, как деловые партнёры, нашли друг друга. Это удача... Так что вы хотели сказать?

– Я хочу посмотреть твои руки.

Она встала у окна и безропотно открыла свои ладони. Надев очки, Дмитрий сразу нашёл то, что боялся увидеть. Ирина сказала правду. Рисунки линий жизни напоминали его собственные тринадцатилетней давности с той разницей, что у него разрывы были не такими явственными.

– Ты повторяешь меня, – сказал он, вернувшись к столу. – К сорока двум годам – а это самый опасный для мужчин возраст – у меня сложился такой же рисунок с такими же разрывами. И я действительно с большим трудом миновал этот период.

– С большим – это как?

– Один раз чуть не погиб и раз чуть не умер. Провёл полтора месяца в больнице.

– Так вы хотите меня предупредить? Или успокоить? Мол, не так всё плохо, если жив остался?

Дмитрий посмотрел Ирине в глаза и увидел в них затаённую, не свойственную её возрасту грусть.

– Я хочу и то, и другое. Но не это главное. «Я» до сорока одного года и «я» после сорока двух – разные люди. Я выжил благодаря серьёзной работе над собой.

– Хорошо, что вы оказались способным на такую работу. Но я не знаю, в чём смысл моей работы.

– У тебя есть время, чтобы узнать. У меня времени не было; я выживал в состоянии цейтнота. И поскольку я приобрёл хоть и не богатый, но всё же опыт, то хочу тебе помочь. Не станешь отвергать?

Вместо ответа Ирина улыбнулась и зажала своими ладонями руку Дмитрия.

– Глупый вопрос, – улыбнулся он в ответ. – Тогда вернёмся к главной теме. Что будем делать? Как я понял, ты приехала с какой-то целью.

– Да. Я была в «скорой помощи» и в полиции. Уточнила обстоятельства смерти Валериана Юрьевича. Возле него лежали отвёртка, ножницы и моток изолянт. На ленте его отпечатки. На стене – развинченная электрическая розетка. Никаких следов насилия. Правда, сказано было: на груди два пятна от ожогов. Расположение пятен соответствуют концам оголённых проводов.

– Вскрытие не проводили?

– Проводили. Остановка сердца.

- Розетка нуждалась в ремонте?
- Вот! По мнению капитана полиции, она была исправна.
- А когда это произошло?
- Днём. В час с минутами.
- Посторонних лиц...
- Не зафиксировано. Валериан Юрьевич был один.
- Если это убийство, то инструментом мог быть электрошокер. Он оставляет ожоги.
- Сравнивали. Стандартный электрошокер оставляет другие следы.
- А нестандартный?
- А таких, как сказал тот же капитан, не бывает.

Дмитрий допил остывший кофе и задумался. Чем он может помочь ей, молодой женщине, почти девчонке, потерявшей когда-то отца, а теперь и отчима? Только тем, что выслушает её грустную историю и на своём примере постарается объяснить, что линии руки в течение жизни меняются, и нет в судьбе никакой абсолютно безысходной предопределённости?

– Завтра я уеду в Москву, – сказала Ирина. – Меня не отпускают надолго. Но через две недели постараюсь приехать снова.

– Ты что-то не успела? – искренне удивился Дмитрий.

Ирина облокотилась на стол.

– Помнишь, вчера я...

– Да ладно уж, говори мне «ты», – усмехнулся Дмитрий. – Я быстро привыкну.

– У меня необычная судьба. С одной стороны, мне удавалось всё, что я хотела. Я шла легко: элитная школа, университет, интересная работа. С другой стороны – смерть отца, затем отчима. И странное поведение матери. Год назад она бросила Валериана Юрьевича. И меня. Переехала в другой город, недалеко от Москвы. На похоронах второго мужа – а они официально не развелись – не присутствовала. Живёт для себя. От каких проблем она решила укрыться таким интересным способом, не знаю. Но зла на неё я не держу, даже после того, как она призналась, что никогда не любила меня.

Ирина снова подошла к окну и долго вглядывалась в небольшую щель между двумя домами. Там виднелись вершины гор, покрытые жёлто-зелёным лесом. В комнату проник запах городской осени – запах опавших листьев и остывающего от летнего зноя асфальта.

– У меня билет на завтра, на утренний поезд. Люблю поезда; скучаю по ним, – внезапно призналась она. – В движении и чувства, и мысли другие. После того как умер мой отец, я села в поезд и поехала сюда. Мне казалось, что дорога – единственный способ удержаться от отчаяния. Возможно, тогда это помогло. Я свылась с потерей отца не так болезненно, как казалось сначала. В шестнадцать лет, вероятно, всё бывает проще.

Дмитрий понял, что ничего определённого Ирина больше не скажет. Она ещё не осознаёт того, к чему готовит её судьба, сделавшая тонкий намёк словами португальской «бабы Маши».

– Пока я ничего не знаю о себе, – подтвердила Ирина его догадку. – Простое осознание своей «особости» – это лишь первый шаг. Мне не с кем себя сравнить. Может быть, такое чувство есть у многих людей.

– Ну что ж, у нас впереди целый день. Надеюсь, к вечеру мы определимся с тем, кто ты есть, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Дмитрий. – А сейчас надо сообразить, как незаметно зайти в твой дом и так же незаметно выйти.

– У тебя есть предложение? – улыбнулась Ирина.

Он неопределённо покачал головой:

– Думаю, нам нет смысла мудрить. Сначала осмотрим машины, стоящие возле твоего подъезда. Если не найдём ничего подозрительного, то вместе заходим в квартиру. Ты берёшь то, что нужно, после чего мы выходим. Всё.

– А вдруг найдём?

– Тогда будем думать. Если та же машина, что и вчера, то вызовем полицию. Узнаем хотя бы фамилию этого филёра.

Дмитрий высунулся в окно. Кроме трёх уже привычных старушек во дворе никого не было. С юга дул тёплый ветер, отгоняя в горы наступающую осень.

* * *

Они поднялись на третий этаж и открыли старую железную дверь. Скрамная квартирка, состоящая из двух небольших комнат и вместительной кухни, была обставлена потрёпанной советской мебелью, которая создавала некоторое ощущение уютности, но одновременно и добавляла к нему фантомный привкус нафталина.

– Если за тобой действительно следили, но филёр был один, тогда его отсутствие объяснимо, – попытался проанализировать ситуацию Дмитрий.

– Я думаю, твой план самый верный. Не стоит рисковать. Я забираю свои вещи – и мы сматываемся, – слегка возбуждённо ответила Ирина, спешно закидывая косметику и туалетные принадлежности в небольшую дорожную сумку.

Перед выходом Дмитрий обследовал обе комнаты и кухню. Никаких предметов, напоминающих видеоканеру, не обнаружил. Они выбрались на улицу и, не сговариваясь, пошли привычной дорогой к морю. Вскоре они сидели за тем же, вчерашним, столиком под синим навесом. Посетителей было немного.

Ирина наклонилась вперёд, к самому лицу Дмитрия и прошептала:

– Если ты прав, то что они хотят выследить?

– Не понял, – спокойно ответил он. – В чём я прав?

– Ну если... как в «Терминаторе»...

– Не видел эту муру. Говори понятнее.

Ирина выпрямила спину и криво усмехнулась:

– Если я скажу понятнее, ты сочтёшь меня идиоткой.

Теперь уже Дмитрий наклонился вперёд и громким шёпотом произнёс:

– Говори!

– У нас нет ни одной версии кроме «этой». Если «кто-то» знает лучше меня, что я должна сделать в своей жизни «нечто», причём скоро, так как мне отпущено всего десять лет, то...

– Ну!

– То зачем за мной следить?

– Чтобы убить, например.

– Спасибо за подсказку. Но будем исходить из того, что мне ещё десять лет...

– А «он» этого не знает. Он не видел твоих рук.

Ирина снова подалась вперёд, так, что они чуть не столкнулись лбами.

– Дмитрий, – прошептала она, – помоги, пожалуйста, мне. Я чувствую опасность. А какая цель у «него», или у «них», я не знаю. Но ты – человек из другой среды. Ты способен думать иначе, не так, как я и как все, которые меня окружают.

– Мы ещё не на вокзале, – сохраняя внешнюю невозмутимость, ответил он. – Впереди целый день. Может быть, вечером какая-то мысль появится.

– У меня не появится, – вздохнула Ирина.

После кафе они потоптались на центральной площади и, не придумав ничего лучшего, отправились на пляж. Ушли далеко. Когда они, наконец, присели на бетон дальней полуразрушенной буны, Дмитрий спросил, не хочет ли она искупаться.

– А ты? Разве нет? – ответила вопросом Ирина. – Я-то думала, ты привычный к холодной воде.

– Привыкнуть – не значит полюбить. Вообще-то, за четыре месяца я насладился морской прелестью, так что потерплю до следующего сезона.

– А я – представь себе – этим летом искупалась всего пять раз. И всё в Подмосковье... Сколько тут градусов?

– Девятнадцать, кажется. Или восемнадцать.

– Тогда я рискну.

Она спряталась за бунной и через минуту, облаченная в красно-жёлтый купальник, с шумом влетела в морские волны. Дмитрий разулся и встал в полосе прибоя. Вода была уже по-осеннему холодная. Для него, конечно, и плюс двенадцать – терпимо, но это же Чёрное море, а не пойменная старица на бескрайних сибирских просторах. Оно не для насилия над собой. Оно для удовольствия.

Ирина бултыхалась недолго. Так же стремительно выбежав из воды, она бросилась к своей сумке и стала её потрошить.

– Тю! Полотенца нет, – пробормотала она, заметно дрожа. – Забыла в спешке.

– Переодевайся в сухое, а остальное – дело техники, – посоветовал Дмитрий.

Ирина выудила из сумки какие-то тряпки и перемахнула через буну. Дмитрий сделал неимоверное усилие, чтобы не посмотреть в её сторону. Он отвернулся от моря и увидел группу молодых людей, бредущих по железнодорожной насыпи. Заметив Ирину, они остановились. Эта компания почему-то вызвала у Дмитрия раздражение и зависть. (Им можно, а мне нет?) Он повернул голову и встретился с насмешливым, по-детски озорным взглядом Ирины. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Больше он ничего увидеть не успел. Её взгляд «застолбил» всё внимание Дмитрия, а когда Ирина, наконец, опустила голову, то оказалось, что она уже «почти» одета, то есть, одета ровно настолько, чтобы позволить себя увидеть лишь «своему» мужчине, но не постороннему.

Кто-то из компании, что стояла на железнодорожной насыпи, свистнул – вероятно, в знак одобрения или восхищения. Дмитрий вытер со лба внезапно выступивший пот. Ирина так же легко перепрыгнула назад и села рядом, касаясь его ногой и плечом.

– Говоришь, дело техники? – съехидничала она. – Ну? Я жду. Мне холодно.

Дмитрий отпустил рукава своей рубашки, которую надел сегодня утром, и стал ими вытирать её лицо, волосы, шею, спину. Когда рукава намокли, он снова завернул их и в спонтанном порыве тесно прижал Ирину к себе. Она не сопротивлялась.

* * *

В те минуты, на пляже, было ощущение, что до утреннего поезда ещё полвечности. Увы, когда они вернулись домой после вечернего сидения в кафе, стало понятно: усталость и физическая, и эмоциональная оказалась чрезмерной даже для молодой Ирины. Они просидели до полной темноты, говоря о пустяках, и лишь к десяти часам Дмитрий очнулся и спросил, что она будет делать после возвращения в Москву.

– В тот же день – в телецентр, – не задумываясь, ответила Ирина. – Я и так припоздала. А потом мне предстоит канитель с наследством – и это опять повод для недовольства со стороны моего начальства. Постараюсь ограничить своё участие до минимума. Юрист у меня уже есть.

– А я в первый день буду только вспоминать тебя...

– Я ж ещё приеду!

– И лишь на второй день обрету способность трезво мыслить и начну думать о том, о чём ты меня просила.

– Слушай, а вдруг у меня случился какой-то сбой – ну интуиция внезапно заупрямилась, или я на своей любимой работе чуть-чуть перегорела? И мы сейчас пытаемся постичь то, чего нет?

– А эти... которые следили? Или этот?

– Ну скажем, влюбился. Чем не версия?

Дмитрий придвинул стул к дивану, где сидела Ирина, бережно, но крепко обхватил её ноги и положил себе на колени. Она еле заметно улыбнулась:

– Ты сегодня на диване, я – в кресле. Подъём в семь с половиной. По пути что-нибудь купим мне в дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.